

Пролетарии всех стран, соединитесь!

**БИБЛИОТЕЧКА
АГИТАТОРА И
ПРОПАГАНДИСТА**

Выпуск 43

СЕРИЯ „СТИХИ, РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ“
КНИЖКА 12

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

ВСТРЕЧА

РАССКАЗ



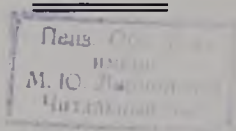
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ“
Пенза □□ 1942

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

P2kr
П24

ВСТРЕЧА

РАССКАЗ



Варвара Яковлевна — фельдшерица туберкулезного санатория — робела не только перед профессорами, но даже перед больными. Больные были почти все из Москвы — народ требовательный и беспокойный. Их раздражала жара, пыльный сад санатория, лечебные процедуры — одним словом все.

Из-за робости своей Варвара Яковлевна, как только вышла на пенсию, тотчас переселилась на окраину города, в Карантин. Она купила там домик под черепичной крышей и спряталась в нем от пестроты и шума приморских улиц. Бог с ним, с этим южным оживлением, с хриплой музыкой громкоговорителей, ресторанами, откуда несло пригорелой бараниной, автобусами, треском гальки на бульваре под ногами гуляющих.

В Карантине во всех домах было очень чисто, тихо, а в садиках пахло нагретыми листьями помидоров и полынью. Полынь росла даже на древней гегуэзской стене, окружавшей Карантин. Через пролом в стене было видно мутноватое

зеленое море и скалы. Около них весь день возился, ловил плетеной корзинкой креветок старый, всегда небритый грек Спиро. Он лез, не раздеваясь, в воду, шарил под камнями, потом выходил на берег, садился отдохнуть, и с его ветхого пиджака текла ручьями теплая морская вода.

От робости своей Варвара Яковлевна не вышла замуж, хотя и сватался-то к ней один только человек, провизор Гумперт,—подслеповатый старичок, говоривший фальцетом, обросший желтым пухом.

Единственной любовью Варвары Яковлевны был ее племянник и воспитанник Ваня Герасимов, сын ее умершей сестры, театральной кассирши.

Воспитательницей Варвара Яковлевна была, конечно, плохой. За это на нее постоянно ворчал сосед по усадьбе, бывший преподаватель естествознания или, как он сам говорил, «естественный историк», Егор Петрович Введенский. Каждое утро он выходил в калошах в свой сад поливать помидоры, придирчиво рассматривал шершавые кустики и, если находил сломанную ветку или валявшийся на дорожке зеленый помидор, то разра-

жался грозной речью против соседских мальчишек.

Варвара Яковлевна, копаясь в своей кухоньке, слышала его гневные возгласы и у нее замирало сердце. Она знала, что сейчас Егор Петрович окликнет ее и скажет, что Ваня опять набезобразничал у него в саду и что у такой воспитательницы, как она, надо отбирать детей с милицией и отправлять их в исправительные трудовые колонии. Чем, например, занимается Ваня? Вырезает из консервных жестянок пропеллеры, запускает их в воздух при помощи катушки и шнурка, эти жужжащие жестянки летят в сад к Егору Петровичу, ломают помидоры, а иной раз и цветы—бархатцы и шалфей. Подумаешь, изобретатель! Циолковский! Мальчишек надо приучать к строгости, к полезной работе. А то купаются до тошноты, дразнят старого Спиро, лазают по генуэзской стене. А еще советские школьники!

Варвара Яковлевна отмалчивалась. Егор Петрович был, конечно, неправ, она это хорошо знала. Ее Ваня — мальчик тихий. Он все что-то мастерил, рисовал, посапывая носом, и охотно помогал Вар-

варе Яковлевне в ее скудном, но чистеньком хозяйстве.

Воспитание Варвары Яковлевны сводилось к тому, чтобы сделать из Вани доброго и работающего человека. В бога Варвара Яковлевна не верила, но была убеждена, что существует таинственный «закон возмездия», карающий человека за каждую ошибку и за все зло, какое он причинил окружающим.

Когда Ваня подрос, Егор Петрович неожиданно потребовал, чтобы мальчик учился у него делать гербарии и определять растения. Они быстро сдружились. Ване нравились полутемные комнаты в доме Егора Петровича, засушенные цветы и листья в папках и пейзажи на стенах, сделанные сухо и приятно, — виды водопадов и утесов, покрытых плющом.

После десятилетки Ваню взяли в Красную Армию, летную школу под Москвой. После службы в армии он мечтал поступить в художественную школу, может быть даже окончить академию в Ленинграде. Егор Петрович одобрял эти ванины мысли. Он считал, что из Вани выйдет художник-ботаник или, как он выражался, «флорист». Есть же художники-анималисты, бесподобно

рисующие зверей. Почему бы не появиться художнику, который перенесет на полотно все разнообразие растительного мира.

Один только раз Ваня приезжал в отпуск, и Варвара Яковлевна не могла на него наглядеться—синяя куртка летчика, темные глаза, голубые петлицы, серебряные крылья на рукавах, а сам—весь черный, загорелый, но все такой же застенчивый. Да, мало переменяла его военная служба!

Весь отпуск Ваня ходил с Егором Петровичем за город, в сухие горы, собирал растения и много рисовал красками. Варвара Яковлевна развесила его рисунки на стенах. Сразу же в доме повеселело, будто открыли много маленьких окон и за каждым из них засинел клочок неба и задул теплый ветер.

Война началась так странно, что Варвара Яковлевна сразу ничего и не поняла. В воскресенье она пошла за город, чтобы нарвать мяты, а когда вернулась, то только ахнула. Около своего дома стоял на табурете Егор Петрович и мазал белую стену жидкой грязью, разведенной в ведре. Сначала Варвара Яковлевна подумала, что Егор Петрович сов-

сем зачудил (чужачества у него были и раньше), но тут же увидела и всех остальных соседей. Они тоже торопливо замазывали коричневой грязью—под цвет окружающей земли—стены своих домов.

А вечером впервые не зажглись маяки. Только тусклые звезды светили в море. В домах не было ни одного огня и до рассвета внизу, в городе, лаяли, как в темном погребе, встревоженные собаки. Над головой все гудел, кружился самолет, охранял город от немецких бомбардировщиков.

Все было неожиданно, страшно. Варвара Яковлевна сидела до утра на пороге дома, прислушивалась и думала о Ване. Она не плакала. Егор Петрович шагал по своему саду и кашлял. Иногда он уходил в дом покурить, но долго там не оставался и снова выходил в сад. Изредка с невысоких гор задувал ветер, доносил бляение коз, запах травы, и Варвара Яковлевна говорила про себя: «Неужто война?»

Перед рассветом с моря долетел короткий гром. Потом второй, третий... По всем дворам торопливо заговорили люди, — Карантин не спал. Никто не мог объяснить толком, что происходило за

черным горизонтом. Все говорили только, что ночью, в темноте, человеку легче на сердце, безопаснее, будто ночь бережет людей от беды.

Быстро прошло тревожное грозное лето. Война приближалась к городу. От Вани не было ни писем, ни телеграмм. Варвара Яковлевна, несмотря на свою старость, вернулась к прежней работе, служила сестрой в госпитале. Так же, как все, она привыкла к черным самолетам, свисту бомб, звону стекла, всепроникающей пыли после взрывов, к темноте, когда ей приходилось ощупью кипятить в кухоньке чай.

Осенью немцы заняли город. Варвара Яковлевна осталась в своем домике на Карантине, не успела уйти. Остался и Егор Петрович.

На второй день немецкие солдаты оцепили Карантин. Они молча обходили дома, быстро заглядывали во все углы, забирали муку, теплые вещи, а у Егора Петровича взяли даже старый медный микроскоп. Все это они делали так, будто в домах никого не было, даже ни разу не взглянув на хозяев.

Во рву за Ближним мысом почти каждый день расстреливали горожан,—мно-

гих из них Варвара Яковлевна знала.

У Варвары Яковлевны начала дрожать голова, Варвара Яковлевна закрыла в доме ставни и переселилась в сарайчик для дров. Там было холодно, но все же лучше, чем в разгромленных комнатах, где в окнах не осталось ни одного стекла.

По ночам Варвара Яковлевна думала о войне, не могла понять, как все это случилось. Неужели не существует в мире «закона возмездия»? Она слышала о Гитлере, — немцы даже называли его именем улицу в городе. Он был безумный, страшный и подлый человек, и Варваре Яковлевне трудно было понять, как огромный немецкий народ — все эти солдаты, заполнившие город, — могли повиноваться бешеному и визгливому чудовищу и убивать, убивать без конца, только во имя ненависти, крови, людского несчастья.

Позади генуэзской стены немцы поставили тяжелые батареи. Орудия были наведены на море. Оно уже по-зимнему кипело, бесновалось. Часовые приплясывали в своих продувных шинелях, посматривали вокруг красными от ветра глаза-

ми, покрикивали на одиноких пешеходов.

Однажды зимним утром с тяжелым гулом налетели с моря советские самолеты. Немцы открыли огонь. Земля тряслась от взрывов. Огромными облаками вспухала над городом пыль, рявкали зенитки. Кричали и металась солдаты в темных серых шинелях, свистели осколки, в тучах перебегали частые огни разрывов. А в порту, в пакгаузах уже шумел огонь, коробил цинковые крыши.

Егор Петрович, услышав первые взрывы, торопливо вышел в сад, протянул трясущиеся руки к самолетам — они мчались на бреющей высоте над Карантинном, — что-то закричал, и по его сухим белым щекам потекли слезы.

Варвара Яковлевна открыла дверь сарайчика и смотрела, вся заглодев, как огромные ревущие птицы кружили над городом и под ними на земле взрывались столбы желтого огня.

— Наши! — кричал Егор Петрович. — Это, наши, Варвара Яковлевна. Да разве же вы не видите! Это они!

Один из самолетов задымил, начал падать в воду. Летчик выбросился с парашютом. Тотчас в море, к тому месту,

где он должен был упасть, помчались, роя воду и строча из пулеметов, немецкие катера.

Тяжелые немецкие батареи были сильно разбиты, засыпаны землей. В порту тонул, дымясь, румынский транспорт, заленый и пятнистый, как лягушка. На набережной лежала убитая немецкая охрана. Городская водонапорная станция, возле которой стояли немецкие батареи, была разрушена, и в городе вдруг перестала идти вода.

Варвара Яковлевна не могла оставаться одна. Она пошла к Егору Петровичу. Он стоял около стены, заросшей диким виноградом, и бессмысленно стирал тряпкой белую пыль с листьев. Листья были сухие, зимние и, вытирая листья, Егор Петрович все время их ломал.

— Что же это, Егор Петрович? — тихо спросила Варвара Яковлевна. — Свой порт бомбят... До чего же мы дожили, Егор Петрович?

— Не порт, а немцев, — ответил Егор Петрович и борода его затряслась. — Не приставайте ко мне. Я занят.

— Не умещается это у меня в голове, Егор Петрович. Глупа я, стара, должно быть... Вот водокачку разрушили.

Сегодня все на реку за водой пошли. И дети тоже пошли. Пять верст, тяжело...

Но Егор Петрович, словно пропустив это мимо ушей, долго молчал и вытирал листья.

— А летчика-то... — пробормотал он, наконец. — Нашего-то... Они схватили... немцы.

— Господи-господи, — зашептала Варвара Яковлевна. — Что же это такое! Хоть бы вы мне объяснили, Егор Петрович.

Но Егор Петрович ничего объяснять не захотел. Он махнул рукой и ушел в дом.

Три дня немцы нарочно не чинили водопровод. Целые толпы людей, сгибаясь под тяжестью ведер, день и ночь шли от реки к городу. На третий день вечером по Карантинной улице прошло трое немецких солдат. Один нес пук листовок, другой — ведро с клейстером. Сзади плелся, все время сплевывая, рыжий сутулый солдат с автоматом.

Солдаты наклеили объявление на столбе около дома Варвары Яковлевны и ушли. Никто к объявлению не подходил. Варвара Яковлевна подумала, что, должно быть, никто и не заметил, как немцы

клеили эту листовку. Она накинула рваную телогрейку и пошла к столбу. Уже стемнело, и если бы не узкая желтая полоска на западе среди разорванных туч, то Варвара Яковлевна вряд ли прочла бы эту листовку.

Листовка была еще сырая. На ней было напечатано:

«За срыванье — расстрел. От коменданта. Советские летчики произвели бомбардирование мирного порта и разрушили городской водопровод. Все жители лишены ими воды. Один из летчиков, виновных в этом, взят в плен. Его зовут Иван Герасимов. Германское командование решило поступить с этим варваром, как с врагом обывателей, и расстрелять его. Дабы жители имели возможность видеть большевика, который лишил их воды, завтра в семь часов утра его проведут по главной улице города. Германское командование уверено, что благонамеренные горожане окажут презрение извергу.

Комендант города обер-лейтенант Зус».

Варвара Яковлевна оглянулась, сорвала листовку, спрятала ее под тело-

грейку и торопливо пошла к себе в сарайчик.

Первое время она сидела в оцепенении и ничего не понимала, только перебирала дрожащими пальцами бахрому старенького серого платка. Потом у нее начала болеть голова, и Варвара Яковлевна заплакала. Мысли путались. Что же это такое! Неужели его, Ваню, немцы завтра убьют где-нибудь на грязном дворе около поломанных грузовиков. Почему-то мысль, что его убьют обязательно во дворе около грузовиков, где воняет бензином и земля лоснится от машинного масла, все время приходила в голову, и Варвара Яковлевна никак не могла ее отогнать.

Варвара Яковлевна все перебирала бахрому платка, все плакала, пока не начало светать.

Утром она вышла, крадучись, из сарайчика и спустилась в город. Ветер свистел, раздувал над улицами золу, пепел. В черной мрачности, во мгле шумело море. Казалось, что ночь не ушла, а только притаилась, как воровка, в подворотнях, и дышит оттуда плесенью, гарью, окалинной.

Теперь, на рассвете, у Варвары Яковлевны все внутри будто выжгло слезами, и ничто уже ее не пугало. Пусть убьют немцы, все равно. Лишь бы увидеть Ваню, хоть родинку на его щеке, а потом умереть.

Варвара Яковлевна шла торопливо, глядя себе под ноги, и не замечала, что позади нее шел Егор Петрович. Не видела она и старого Спиро, пробиравшегося туда же, на главную улицу, и веснушчатую рыбачку Пашу. Варвару Яковлевну не покидала надежда, что может быть никто не придет смотреть, как будут вести ее Ваню. Придет только она одна, и ничто не помешает ей его увидеть.

Но Варвара Яковлевна ошиблась. Серые озябшие люди уже жались под стенами домов.

Варвара Яковлевна боялась смотреть им в глаза. Она не подымала голову, все ждала обидного, злого окрика. Иначе она бы увидела, как переменялся ее родной город, будто вывернутый наизнанку, нарядный сверху, но рваный изнутри костюм. Увидела бы трясущиеся головы людей, серый блеск припухло-

стей, сухие волосы, пыльные морщины, красные веки.

Варвара Яковлевна остановилась около афишного столба, спряталась за ним, вся с'ежилась, ждала. Обеими руками она комкала старенькую шелковую сумочку, где кроме платка и ключа от сарайчика ничего не было.

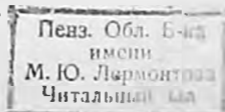
На столбе висели клочья афиш. Они извещали о событиях как будто тысяче-летней давности — симфонии Шостаковича, гастролях чтеца Яхонтова.

Люди все подходили молча и торопливо. Было так тихо, что даже до главной улицы доносились раскаты прибоя. Он бил о разрушенную мол, взлетал серой пеной к тучам, откатывался и снова бил в мол соленой водой.

Потом толпа вдруг вздохнула, вздрогнула и придвинулась к краю тротуара. Варвара Яковлевна подняла глаза.

За спинами людей, закрывавших от нее мостовую, она увидела в глубине улицы серые каски, стволы винтовок. Все это медленно приближалось, слегка покачиваясь и гремя сапогами.

Варвара Яковлевна схватилась рукой за столб, подалась вперед, вытянула худенькую шею.



Кто-то взял ее за локоть и быстро сказал: «Только не кричите! Не выдавайте себя!». Варвара Яковлевна не оглянулась, хотя и узнала голос Егора Петровича.

Она смотрела на темную приближающуюся толпу. Среди серых шинелей синел комбинезон летчика. Варвара Яковлевна видела мутно, неясно. Она вытерла глаза, судорожно втиснула носовой платок в сумочку и, наконец, увидела, — позади коренастого немецкого офицера шел он, ее Ваня. Шел спокойно, прямо смотрел вперед, но на его лице уже не было того выражения застенчивости, к которому Варвара Яковлевна так привыкла.

Она смотрела, задохнувшись, задерживая дыхание, глотая слезы. Это был он. Ваня—все такой же загорелый, милый, но очень похудевший и с маленькими горькими морщинками около губ.

Внезапно руки у Варвары Яковлевны задрожали сильнее, и она уронила сумочку. Она увидела, как люди в толпе начали быстро снимать шапки перед Ваней, а многие, так же, как и Варвара Яковлевна, как Егор Петрович, прижимали к глазам рукава.

А потом Варвара Яковлевна увидела, как на мокрую от дождя мостовую неизвестно откуда упал и рассыпался одинокий букет сухих крымских цветов. Немцы нахмурились, пошли быстрее: Ваня улыбнулся кому-то, и Варвара Яковлевна вся расцвела, заулыбалась сквозь слезы, — так до сих пор он улыбался только ей одной.

Когда отряд поровнялся с Варварой Яковлевной, толпа перед ней расступилась и несколько рук осторожно схватили ее, вытолкнули вперед на мостовую, и она очутилась в нескольких шагах от Вани. Он увидел ее, побледнел, но ни одним движением, ни словом не показал, что он знает эту трясущуюся маленькую старушку. Она смотрела на него умоляющими, отчаянными глазами. И вдруг заплакала так горько, что даже не увидела, как быстро и ласково взглянул на нее Ваня, не услышала, как немецкий офицер хрипло крикнул ей: «Назад!» и выругался, и не заметила, как Егор Петрович и старый Спиро втащили ее обратно в толпу и толпа тотчас закрыла ее от немцев. Она только помнила потом, как Егор Петрович и Спиро вели ее че-

рез пустыри, — по битой черепице, среди белого от извести чертополоха.

— Не надо, — бормотала Варвара Яковлевна. — Пустите меня. Я здесь останусь. Пустите!

Но Егор Петрович и Спиро крепко держали ее под руки и ничего не отвечали.

Егор Петрович привел Варвару Яковлевну в сарайчик, уложил на топчан, навалил на нее все, что было теплого. Варвара Яковлевна дрожала так, что у нее стучали зубы, старалась стиснуть изо всех сил зубами уголок старенького серого платка, шептала: «Что же это такое, господи? Что же это?» — и из горла у нее иногда вырывался тонкий писк, какой часто вырывается у людей, сдерживающих слезы.

Как прошел этот день, Варвара Яковлевна не помнила. Он был темный, бурный, сырой — такие зимние дни всегда проходят быстро. Не то они были, не то их и вовсе не было. Все настойчивее гудело море. Ветер рвал сухой кустарник на каменных мысах, швырялся полосами ледяного дождя.

Ночью в гул моря неожиданно врезался тяжелый гром, завывли сирены и

снаряды, загрохотали взрывы, эхо пулеметного огня застучало в горах. Егор Петрович вбежал в сарайчик к Варваре Яковлевне и что-то кричал ей в темноте. Но она не могла понять, что он кричит, пока не услышала, как вся ненастная ночь вдруг загремела отдаленным молодым протяжным криком «ура». Он рос, этот крик, катился вдоль берега, врывался в узкие улицы Карантина, скатывался по спускам в город.

— Наши! — кричал Егор Петрович, и желтый кадык на его шее ходил ходуном. Егор Петрович всхлипывал, смеялся, потом снова начинал всхлипывать.

К рассвету город был занят советским десантом. Десант этот был возможен потому, что советские летчики разбомбили немецкие тяжелые батареи.

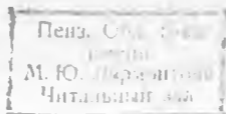
Так сказал Варваре Яковлевне Ваня, освобожденный десантными частями: Сейчас он возился вместе с Егором Петровичем в кухоньке, готовил для Варвары Яковлевны чай.

А Варвара Яковлевна плакала от слабости, от неожиданного счастья и все порывалась встать. Ей было совестно, что у Вани всего несколько свободных

часов, что ему скоро снова в полет, а он теряет время на возню с глупой старухой.

Чайник на кухне кипел, весело постукивал крышкой. Среди низких туч пробиралось солнце. Оно осветило пар, что бил из носика чайника, и тень от струи пара без конца улетала, струилась по белой стене голубоватым дымом и никак не могла улететь.

(«Красная звезда»).



Отв. редактор Н. И. СТРАХОВ.

Тех. редактор Г. М. ГОРЕНШТЕЙН

Рев. корректор Ф. З. КРУТКОВИЧ.

ФЛ4042,

Формат 4х6 кв. Объем 24 стр.
Заказ № 2003.

Тир. 5100.

Типография издательства «Сталинское знамя»
Пенза, ул. Кирова. 65.

Цена 50 коп.